

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

КОЛОДЕЦ НЕБЕСНОГО СВОДА

ОКРАИНА

*Бесконечная Россия,
Словно вечность на земле.
П. А. Вяземский*

Окраина. Околица. Судьба.
Уткнусь в стекло упрямой гладью лба.
В окне вагона — грязь дорог размытых.
А у забора — свет, округи ось —
Рябина держит алых ягод гроздь,
Как сотню солнц окраин позабытых.

Окраин в мире — как в лесах дорог.
И каждый вольный куст и бугорок
Зовёт себя окраиною тёмной.
Горят пространства в беспредельной мгле.
Распахнутая вечность на земле —
Окраина — забыла, как огромна.

И всё в тебе от сотворенья есть.
И мы упрямо выживаем здесь —
В колодцах городов и сёлах древних.
И в полноте бескрайней бытия
Никак не можем осознать себя...
“Россия, глушь, околица, деревня...”

ЕГОРОВА Наталья Николаевна родилась в Смоленске. Окончила Смоленский педагогический институт. Работала в издательстве “Современник”, газетах “День”, “Завтра”. Автор поэтических книг “Золотые шары”, “Птицы в городе”, “Тысяча лет — снегопад”, “Русской провинции свет” и подборок в различных периодических изданиях. Лауреат годовых премий журнала “Наш современник” и Всероссийской православной премии и. м. св. кн. Александра Невского Александро-Невской лавры. Член Союза писателей России.

Но есть закон: кто любит — тот и царь,
Кто трудится — тот миру государь,
А кто пойдёт дорогами твоими —
Навеки захлебнётся от любви...
Сияют сосны. Свищут соловьи.
Гудят холмы, и всё — тебя во имя!

И горькою рябиновой судьбой
Сто тысяч солнц восходят над тобой,
Над каждой чёрной хатою — светило,
А над погостом каждым — старый крест.
И без труда мальчишки здешних мест
Расскажут всё, что будет и что было.

Смеясь, мужик поведает о том,
Что центр вселенной — под любым кустом,
Под самогонку — сам себе философ.
И бабка, выйдя утром на порог,
Ответит просто: “Центр земли есть Бог”.
И перекрестит небо без вопросов.

А жизнь течёт, светла в самой себе,
Пустого не мечтая о судьбе,
Не замечая злую скудость быта.
Но как назвать окраинной судьбой
Распахнутую вечность над тобой —
Любви и бытия переизбыток?

И ты гудишь пространствами во мгле —
Распахнутая вечность на земле,
Огнём мелькаешь в полночи случайным.
Летят с вокзалов в вечность поезда.
И мы летим сквозь вечность — кто куда,
Точнее, каждый — на свою окраину.

* * *

В огне любви сгорели дни и даты.
Но в час, когда предельно больно мне,
Я вспоминаю в пламени заката
Пробитый купол храма на холме.

И вижу, как из глубины вселенной,
Горя и плавясь в щебне и пыли,
Лилось в провалы чёрные на стены
Расплавленное золото Любви.

А в туче голубь плавился. И сила,
Что плавит землю, воздух, даль и близь,
В потоках света камни возносила
И храм из праха поднимала ввысь.

И Бог Любви — Христос — в закатной лаве,
Сойдя с Небес в крапиву и репей,
Сидел на троне в Негасимой Славе
Среди развалин родины моей.

* * *

Дорожного знака на вечность мигнёт поворот.
Расплавятся сосны в горячем огне небосвода.
И ты удивишься — какой это город и год? —
Когда над холмом обозначится купол завода.

И выстрелом громким — навывлет — сквозь дни и века,
Из воздуха прямо, из жерла пространства пустого
Над полем кипрея появится чья-то рука
И вычертит светом фаворские лики Рублёва.

А ласточки сядут рядком на стальных проводах,
И вечер наполнят высокие вольты энергий.
И прямо из воздуха выйдет к шоссе монах —
И снова исчезнет. И выдохнешь древнее: “Сергий!..”

И исподволь входит за годы в привычки твои,
Что нету границ у сквозящих сосновых обочин,
Где время с пространством распахнуто Божьей любви —
Сквозь воздух шагай — и насквозь проходи, куда хочешь.

И ты, заблудившись в сосновых борах и веках,
В другие пространства шагаешь всё шире и шире,
А царства сгорают и снова встают в облаках,
И ты исчезаешь и вновь появляешься в мире.

Но главное — тише! Не надо вопросов и слов!
Лишь имя шепни — и простор закружится вечерний.
И светом фаворским наполнит просторы Рублёв,
И духом высоким скрепит бездорожья Сергей.

ПАПИН КОЛОДЕЦ

Скрипели стволы, обрастая корявой корою,
А кроны смыкались, мерцающей вязью легки.
И вырыл отец мой колодец под старой ветлою,
Ведь ивы живут там, где бьют из земли родники.

Он пот вытирал фронтовую рубахой с исподу
И ладил лопату под руку, как с детства привык.
И землю носил, и вычерпывал вёдрами воду.
И сруб золотился. И бил потаённый родник.

Там жили сиянье, лягушки, пугливые тени,
Ручной головастик, весёлый жучок-плавунец.
Мы воду носили под жадные корни растений,
И яблоком спелым легко улыбался отец.

Но годы промчались, наш дом утонул в сухостое,
И сад наш зарос, не вспоённый водою живой.
Заветный колодец давно затянуло землёю,
И след его слабый давно затянуло травой.

Но знаю я точно — под кучами веток и сора
Есть тайный родник, не иссякший за годы утрат.
Отцовский колодец сияет в разломе простора,
Где старые ивы над прошлым шатрами шумят.

И что мне с того, что копают одною лопатой
Могилу и грядку, поющий колодец и дот.
Мне снится под утро, что детство, и есть ещё папа,
И входит лопата в суглинки небесных пород.

И есть ещё сад. Есть колодец небесного свода.
Есть вера и ум. Есть упрямая твёрдость руки.
И жажду я, Господи, жажду, как жаждет природа.
И память отца говорит мне, где бьют родники.

* * *

— Кузнецов! Кузнецов! — Свист и гром восхищения в зале.
Гнев матёрых писак. Блеск в глазах у зелёных юнцов.
— Кузнецова громят! Кузнецов напечатан в журнале!
Всех обманом назвал и подделкой поэт Кузнецов!

Это тайный пароль — вздох любви моего поколенья,
Демиург Святогор, не смирившийся с тягой земной,
Миф о вешем поэте на вечном пределе горенья,
Молчаливая глыба с таинственной речью иной.

Пролетел его конь, догоняя свои же подковы,
Сквозь хазарскую ночь по космической русской заре.
Поминал его Сергей среди павших бойцов Куликова,
Но погиб он с отцом, на Сапун подорвавшись горе.

А гордыня ли, гений, миров недоступное знание,
Весть масштабов вселенских — как этот огонь ни зови, —
Но спустился он в ад и соперничал с Дантом в дерзанье,
А влюбившись в Европу, соперничал с Зевсом в любви.

И немели мы все перед русским рокочущим словом,
Кубком отчих громов — огнедышащей правдой отцов.
Ты не русский душой, если ты не читал Кузнецова!
Ты не русский умом, если тёмен тебе Кузнецов!

И пошёл он к Христу через кривду времён, сознавая,
Где начало Любви. И живым прошагал через ад.
И с повозкою слёз — русской вестью — добрался до рая,
А увидев Христа, уходить отказался назад.

И прошёл он сквозь нас богатырскою молнией света,
Вещим облаком дыма, миры создающим огнём,
Сказкой русского духа, творящего слова кометой,
Вечной верой глубин. Ничего мы не знаем о нём.

.....
Поздравляем нашу подругу, замечательного русского поэта с юбилеем!